УДК 1(091)

Н. В. Еремеева
старший преподаватель кафедры
социально-гуманитарных дисциплин
Могилевского института МВД,
кандидат философских наук
(Республика Беларусь)

ТЕОРИЯ ГОСУДАРСТВА ПЛАТОНА КАК СОТЕРИОЛОГИЧЕСКАЯ СТРАТЕГИЯ

Данная статья эксплицирует идею спасения в диалоге Платона «Государство». Цель статьи — раскрыть понимание спасения у Платона и постулировать сотериологическую стратегему в качестве основы его социально-политической философии. В статье делается вывод о понимании Платоном спасения как познания и сохранения самого себя с помощью философии, которая призвана стать практической программой противостояния деструктивному влиянию.

Данная статья представляет собой анализ идеи спасения в диалоге «Государство» Платона. Цель статьи — раскрытие понимания спасения у Платона и сотериологической стратегии как практико-преобразовательной смыслополагающей основы социально-политической философии. В статье дается анализ учения Платона о государстве с позиции его сотериологических взглядов, делается вывод о понимании Платоном спасения как противостояния деструктивному влиянию вызовов и угроз, с которыми сталкивается гражданин античного полиса. В рамках данной статьи в качестве базовых использовался метод историко-философского анализа, описательный и спекулятивный методы, а также элементы метода текстологического анализа, герменевтики и интерпретации.

Представления о спасении как о возможности избегнуть зла, сохранить некое предпочтительное состояние, деле всей жизни, труде для и ради общественного или личного нематериального блага, в античной философии широко распространено, в том числе и в досократических учениях [1, с. 208]. Отражаясь во всей античной традиции и отражая в себе ее развитие от Пифагора до Дамаския Диадоха и Олимпиодора, идея спасения, как и вся античная философия, не приемлет ни школьного, ни академического разделения. Можно с равным успехом сказать, что она целиком онтологична, или этична, или социальна, или герметична. Спасение трактуется как избавление, средство и способ избавления, сохранность, обеспечение безопасности, гарантия, благополучное возвращение, благо и счастье, чему соответствует семантика слова «спасение» в греческом языке [2, с. 1596]. М. Фуко выделяет с опорой на фразеологию греческих текстов такие значения производных от слова «спасение» глагольных

форм, как «сберегать» (чистоту, память), «сохранять должное», «оправдать», «делать добро» [1, с. 206–208]. Вопреки привычному для нас сегодня восприятию идеи спасения целиком в богословском контексте, концепт спасения органично функционирует в философском поле античности, являясь целью и смыслом философского научения [1, с. 206], и спасение как философское понятие фундирует всю платоническую традицию философствования.

Ямвлих Халкидский (III–IV вв.) сформировал представление о каноническом расположении основных диалогов «божественного Платона» в порядке, предназначенном для изучения в школе самого Ямвлиха [3, с. 107]. Принцип составления канона остается предметом реконструкции, так как свидетельств о нем не сохранилось, но эта одна из первых герменевтик Платонова наследия дает нам возможность сделать ряд выводов. Во-первых, основной темой философии Платона, развитие которой мы наблюдаем на протяжении всего «канона», является познание себя. Первым в «каноне», согласно учителям неоплатонизма Проклу, Дамаскию и Олимпиодору, единогласно признается диалог «Алкивиад I» [3, с. 108]. Этому спорному (и по содержанию) тексту неоплатоническая традиция судила быть ἀρχή философии Платона по причине имеющегося в нем требования к обретению себя, как будто изначально мы не даны себе без выполнения ряда условий. С непреложной ясностью в данном диалоге провозглашается учение о необходимости поиска человеком своей природы, о незавершенности и неполноте наличного бытия, о необходимости овладения своей подлинностью и умения правильно обращаться с собой [4]. Платоновское прочтение знаменитого «познай самого себя» объединяет и религиозно-мифологическую, и логико-символическую, и социально-политическую семантику, формируя универсальное представление о совершенстве, полноте, в которой, по мысли В. Бибихина, весь человек, весь род человеческий размещается сразу и целиком [5, с. 64]. Во-вторых, обретение своего политического сознания связано с открытием в себе такой по существу философской добродетели, как сила убеждения — прежде всего, самого себя, сила, способная вернуть себя к себе [3, с. 110], в том числе для и посредством обретения заявленных, например, в «Алкивиаде I» базовых ценностей справедливости и умеренности. В-третьих, мы с удивлением не обнаружим диалога «Государство» в каноне Ямвлиха, в котором обретению политических добродетелей посвящен диалог «Горгий», привычным образом в «школьном» платоноведении трактуемый как риторический [3, с. 109]. Но именно в «Государстве» в превосходной степени Платон эксплицировал идею общественного блага как цели работы над собой, что на всех уровнях равно самопознанию [1, с. 208], признавая исключительное значение справедливости как добродетели, хранящей, то есть спасающей государство [4].

Итак, основание полисной сотериологической стратегии у Платона — самопознание, но не в психологическом (психоаналитическом, клиническом) и не в философско-антропологическом отношении, ибо речь идет не о накоплении знаний. Знание — это анамнезис [6, с. 190], припоминание, в том числе припоминание себя, некогда вполне себе открытого, и оно не есть получение новой информации. Понятие прогресса незнакомо Античности, припоминание — это созерцание того, что уже есть и всегда было, божественного, вечного и неизменного. Конечно же, речь идет об идеях. Идеи — философские абстракции, которые имеют онтологический смысл и топологическое измерение, заданное всей античной философии, по мысли М. Мамардашвили [7, с. 108]. Познать себя — значит обрести созерцание идей, обнаружить то место, в котором единичные вещи собираются в качестве общего, ибо только единое позволяет заглянуть в свой нрав, а это можно сделать лишь внутри эйдосов [7, с. 110]. Полагаем, именно практическая реализация учения об идеях в общественной жизни является ключом, раскрывающим проблематику диалога «Государство». Не случайно одним из важнейших герменевтических узлов диалога является миф о пещере. Именно миф собственного сочинения становится у Платона технологией пайдейи, дидактическим материалом, обеспечивающим практику спасения души [8, с. 66]. Платон в мифе о пещере говорит о необходимости и неизбежности преодоления множественности в пользу единого. Это единое и есть благо, смысл которого в том числе и в обнаружении в человеке внеантропологического, независимого от собственно человеческой природы «самого себя» [7, с. 110], которого необходимо познать, и в отказе от идеи человека в пользу работы с понятием «душа» [4]. В. Асмус, утверждая, что психология Платона тесно связана с его гносеологией, также отмечал двойной метод бытия-познания — отыскание во многом единого и онтологическое созерцание душой идеи [9, с. 38, 98]. Однако хрестоматийное триединство души, возвышающее разумную ее часть до способности созерцать благо — начало и источник всякого знания [10, с. 258–259] — само по себе не объясняет ни возможности этого возвышения, ни природы ее преображения. Только признание наряду с логосом, то есть рассуждением, которое имеет свой предел в возможностях разума, пути мифа, то есть практики, выстраивает адекватную диспозицию «обучение-воспитание», и вместо борьбы материализма и идеализма в Греции IV в. до н.э. [9, с. 31] обнаруживается единство логоса и праксиса.

Итак, миф о пещере — центр композиции диалога «Государство» — посвящен созерцанию идеи блага [10, с. 351]. Данный миф на самом деле не имел бы смысла без понимания философии Платона как нравственного и онтологического преображения, не познавательной только, но очистительной и даже богослужебной деятельности [11, с. 20–21]. Однако практическая сторона

философии и ожидаемая Платоном целостная реакция индивида на требование самопознания, целью и смыслом которого является спасение, долгие годы оставалась в забвении. В диалоге «Государство» читаем: «нашим делом будет заставлять лучшие натуры учиться … умению видеть благо и совершать к нему восхождение», для того, чтобы они могли «в свой черед, спускаться в обитель прочих людей и привыкать созерцать темные стороны жизни…» [10, с. 355–357]. Эти «лучшие натуры» — философы на государственной службе, прошедшие обучение, воинскую повинность, испытания «возвращением в пещеру» и, наконец, предназначенные «устремить ввысь свой духовный взор и взглянуть на то самое, что всему дает свет, а увидев благо само по себе, взять его за образец и упорядочить и государство, и частных лиц, а также самих себя… потому что так необходимо ради государства» [10, с. 384].

Второй важной особенностью диалога «Государство» является та развернутая аналогия полиса и души, которая дает классикам советского платоноведения возможность говорить об объективном идеализме Платона в теории общества [12, с. 630]. Понимание «подлинно внутреннего воздействия на самого себя и на свои способности» значит достижение «собственного единства, рассудительности и слаженности» во всех действиях, вплоть до государственных [10, с. 258–259]. Такой человек «владеет собой, приводит себя в порядок и становится сам себе другом» [10, с. 259], действуя справедливо и мудро, начало же справедливости и мудрости — в благе, подобном Солнцу, поскольку «то, что придает познаваемым вещам истинность, а человека наделяет способностью познавать, это ты и считай идеей блага», дающей бытие и существование вещам, как Солнце дает всему быть и возрастать [10, с. 344]. Таким образом, для Платона предмет заботы — благо полиса или благо души — во-первых, принципиально не разделен, а во-вторых, задан и оправдан истиной и бытием идеи блага. В итоге составная природа человека перестает быть препятствием к совершенствованию души, которая в итоге придет к отождествлению разумной части себя с самой собой, обретая весь мир разумным [7, с. 112]. И напротив, знание разумной души без преображения своего бытия и бытия сограждан порождает лишь приращение знаний [1, с. 30–32] подобно экономическому достатку, без качественного преобразования, без надежды на спасение.

Третье положение, раскрывающее сотериологическую стратегию диалога «Государство» — это тема справедливости. С постановки вопроса о справедливости диалог начинается, мифом о посмертном воздаянии справедливому человеку он заканчивается. Едва ли не самое обращение к полисной тематике обусловлено тем, что в государстве «справедливость принимает бóльшие размеры и ее легче там изучать» [10, с. 156]. И разделение труда, и роль сословий, и выбор правителей — все подчинено торжеству справедливости в идеальном

государстве гражданских добродетелей, к коим относятся мудрость, мужество и рассудительность [10, с. 235]. Кто же может наблюдать справедливость? Конечно, философ — разумная часть души государства и его спасительное начало, ибо «способности рассуждать подобает господствовать, потому что мудрость и попечение обо всей душе в целом — это как раз ее дело» [10, с. 256]. Государство как место развертывания справедливости представляет собой идеальное применение для такого философа. П. Адо говорит в этой связи об экзистенциальном выборе определенного образа жизни, где занятия дискурсивной философией лишь поддерживают функции, которые этот философ выполняет: теоретическое обоснование жизненного выбора, средство воздействия на себя и на других и способ упражнения в философском образе жизни [13, с. 189–191]. Можно согласиться, что здесь особенно отчетливо проявляется понимание философии как духовного упражнения, очищения, практики спасения, способной полностью изменить бытие человека [13, с. 192]. Как утверждает Платон, «если вся душа в целом следует за своим философским началом и не бывает раздираема противоречиями, то для каждой ее части возможно не только делать все остальное по справедливости, но и находить в этом свои особые удовольствия» [10, с. 448]. То есть Платон на самом деле не предлагает альтернативы между политическими и катартическими добродетелями, перед выбором которых символически и находится и Алкивиад, не состоявшийся, однако, ни на одном из путей [1, с. 196]. Напротив, философ утверждал, что дальше отправятся те, кто по природе своей сроднился с прекрасным, прочие же никогда не научатся тому, что такое добродетель и что такое порок [14, с. 586]. Справедливость, таким образом, обнаруживается прежде всего в душе — «справедливость сама по себе есть нечто наилучшее для смой души» — а затем и в ее делах, в том числе государственных: «душа должна поступать по справедливости» [10, с. 482].

Подводя итог сказанному о сотериологических идеях Платона, необходимо подчеркнуть, что вписанная в традиционный контекст античной философии идея спасения Платона не является тайным учением или маргинальной линией античной традиции, но во многом дело обстоит ровно наоборот. При изучении античной философии сегодня следует настаивать, что гносеологическая функция познания уступает в античности место преобладающей «пропедевтической миссии» [15, с. 97] философии в деле формирования человека, которая становится столь же необходимой как в отношении познания себя, так и в отношении спасительной практики благой жизни [1, с. 61–62]. Философская мысль античности со времен Парменида предполагает работу с упорядочивающими абстракциями, которые, будучи выражены в мире, в космосе, в государстве, упорядочивают и человека, вызывая его из хаоса [7, с. 107]. Таким образом,

реализация изначальной роли философии как фундаментальной сотериологической программы служит задачам подготовки человека к столкновению с деструктивными явлениями хаоса, противостоянию им и сохранению человеческого облика, раскрывает спасение как цель философствования, а само философствование как сакральную практику.

1. Фуко М. Герменевтика субъекта: курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1981–1982 учебном году / пер. с фр. А. Г. Погоняйло. СПб. : Наука, 2007. 677 с. Вернуться к статье

2. Дворецкий И. Х. Древнегреческо-русский словарь : ок. 70 000 слов : в 2 т. / под ред. С. И. Соболевского. М. : Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1958. 1910 с. Вернуться к статье

3. Курдыбайло Д. С. О принципе составления канона Ямвлиха // Филос. журн. 2023. Т. 16, № 4. С. 106–123. Вернуться к статье

4. Платоновское философское общество PLATONIS OPERA [Электронный ресурс]. URL: https://plato.spbu.ru/TEXTS/Burnet.htm (дата обращения: 30.04.2025). Перейти к источнику Вернуться к статье

5. Бибихин В. В. Поиск своего в «Алкивиаде» Платона // Логос. 2011. № 4 (83). С. 63–88. Вернуться к статье

6. Платон. Сочинения : в 4 т. : пер. с древнегреч. / под общ. ред. А. Ф. Лосева и В. Ф. Асмуса. СПб. : Изд-во С.-Петерб. ун-та : Изд-во Олега Абышко, 2007. Т. 2 : Федр. 625 с. Вернуться к статье

7. Мамардашвили М. К. Лекции по античной философии / под ред. Ю. П. Сенокосова. М. : Аграф, 1999. 216 с. Вернуться к статье

8. Бриссон Л. Платоновская концепция мифа и ее развитие в античной философии / пер. с фр. Н. О. Аллахвердиевой ; под ред. А. Ю. Рахмана // Вестн. Рус. христиан. гуманитар. акад. 2012. № 1. Вып. 13. С. 65–74. Вернуться к статье

9. Асмус В. Ф. Платон. М. : Мысль, 1975. 220 с. Вернуться к статье

10. Платон. Сочинения : в 4 т. : пер. с древнегреч. / под общ. ред. А. Ф. Лосева и В. Ф. Асмуса. СПб. : Изд-во С.-Петерб. ун-та : Изд-во Олега Абышко, 2007. Т. 3. Государство. Ч. 1. 751 с. Вернуться к статье

11. Слезак Т. А. Как читать Платона / пер. с нем., предисл. и примеч. М. Е. Буланенко. СПб. : Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2008. 314 с. Вернуться к статье

12. Платон. Сочинения : в 4 т. : пер. с древнегреч. / под общ. ред. А. Ф. Лосева и В. Ф. Асмуса. СПб. : Изд-во С.-Петерб. ун-та : Изд-во Олега Абышко, 2007. Т. 3 : Государство. Ч. 1. 751 с. Вернуться к статье

13. Адо П. Что такое античная философия / пер. с фр. В. П. Гайдамака. М. : Изд-во гуманитар. лит., 1999. 320 с. Вернуться к статье

14. Платон. Сочинения : в 4 т. : пер. с древнегреч. / под общ. ред. А. Ф. Лосева и В. Ф. Асмуса. СПб. : Изд-во С.-Петерб. ун-та : Изд-во Олега Абышко, 2007. Т. 3 : Государство. Ч. 2. Письма. 730 с. Вернуться к статье

15. Хлебников Г. В. Сократ и платонизм, аристотелизм, скептицизм, неоплатонизм как философские теологии и техники теозиса человека (Аналитический обзор) // Соц. и гуманитар. науки. Отечеств. и зарубеж. лит. Сер. 3 : Философия. 2006. № 2. С. 97–144. Вернуться к статье

N. V. Eremeeva

Plato's theory of the state as a soteriological strategy

This article explicates the idea of salvation in Plato's dialogue «Politeia». The purpose of the article is to reveal Plato's understanding of salvation and to postulate a soteriological strategem as the basis of his socio-political philosophy. The basis of the polis soteriological strategy in Plato is self-knowledge The article concludes that Plato understood salvation as knowledge and preservation of oneself with the help of philosophy, which is intended to become a practical program for resisting destructive influence. The realization of the original role of philosophy as a fundamental soteriological program serves the tasks of preparing a person to face the destructive phenomena of chaos, to resist them and to preserve the human form, reveals salvation as the goal of philosophizing, and philosophizing itself as a sacred practice. In this article, the basic methods used were historical-philosophical analysis, descriptive and speculative methods, as well as elements of the method of textual analysis, hermeneutics and interpretation.